

Глава 5

Мурашки бегут домой

— Королевской гвардии капрал Плам прибыл! Опцион Памперникель, пост принять готов! — рывкнул дневной стражник и резким движением отдал честь, следуя вековой традиции.

— Часовой пост сдать готов! Во время несения службы происшествий не случилось! — рывкнул в ответ Памперникель Рай, отсалютовал ничуть не хуже.

— Опцион Памперникель, пост принял.

— Капрал Плам, пост сдал.

Крепко сложенный серошкурый ноктюрн с жёлтыми глазами и перепончатыми крыльями развернулся и зашагал прочь; покои принцессы Луны, конкретно сейчас пустовавшие, остались в надёжных копытах. Похожая картина повторялась сплошь по всему замку — дневной караул сменял ночной ровно в той же манере, как это происходило дважды в сутки на протяжении столетий.

Памперникель торжественно, как на параде, прошествовал до ближайшего угла, куда и шмыгнул, чтобы скрыться от глаз дневного караульного. Лишь тогда он дал ногам чуть расслабиться, а спине — разогнуться из состояния прямой палки. Наверное, он никогда не привыкнет к новому высокому положению после того, как всю свою откровенно короткую карьеру пробыл мелкой сошкой. Теоретически опцион стоял не слишком-то высоко, однако как телохранитель, лично выбранный принцессой, он выпал из цепочки обычных офицеров и оказался морально не готов к той ответственности, что на него свалилась.

Последнее стояло на особом счету. Когда он был простым гвардейцем, ему не грозила личная служанка самой принцессы, которая ставила его пред светлые монаршие очи и использовала как манекен для демонстрации новых творческих фантазий. А принцесса, будучи в своих палатах, продолжала проявлять тревожную склонность к беззастенчивой свободе тела. Для большинства обычных пони было нормальным разгуливать без одежды, но когда сама августейшая особа после долгого заседания Ночного двора скидывала накопытники и нагрудную регалию, то между понятиями «голая» и «принцесса» в бесхитроном жеребцовом мозгу случался когнитивный диссонанс. В такие мгновения он уже не терял самообладания, как раньше, но всё равно заливался краской до самых ушей, чем несказанно смущал служанку. Наверное, потому что она знала прекрасный способ его остудить, после того как они позже уединялись в собственных покоях.

Когда от нового положения и потенциальной влиятельности становилось совсем невмоготу, Памперникель в мыслях частенько обращался к носительницам Элементов Гармонии. Победив Найтмер Мун, они обрели славу и огромный политический вес, — и хоть бы одной из них было до этого дело! Каких бы амбиций ни питала эта шестёрка, они всегда полагались исключительно на свои природные дарования и старания, а к обрётённому положению относились скорее как к помехе, чем преимуществу.

Волею случая он очутился на своём месте лишь благодаря тому, что проявил характер и личность,

когда возник повод их проявить. Так же было с носительницами. И если он, равно как и они, позволит положению повлиять на свою натуру, то разве будет он достоин этого самого положения?

В каком-то смысле ему приходилось быть даже более сознательным, нежели носительницам. Если они в погоне за властью предадут суть себя, то, вполне вероятно, лишатся Элементов. У него же подобный стимул отсутствовал, а потому держать эго в узде надо было ему самому и его любящей жене. К счастью — или нет, в зависимости как посмотреть, — она очень умело справлялась с задачей.

Тем не менее никто не запрещал наслаждаться некоторыми привилегиями. Больше можно было не бояться испорченного свободного времени, если кому-то старшему по званию (а старше него были все) внезапно захочется чашечку кофе с пончиками от Пони Джо. Больше никаких стоек смиренно и покрашивания травы зелёной краской по желанию заднего левого копыта старших офицеров! Теперь красить траву зелёной краской его отправляли только принцесса Луна и её служанка, по-видимому, разбиравшаяся в том, какую траву каким оттенком красить в тот или иной момент.

— И это ты называешь выправкой, солдат? — гаркнул сзади кто-то, будто подавившийся ведром гальки.

Спина Памперникеля с хрустом выпрямилась, ноги спружинили, а голова на окаменевшей шее устремила взгляд в потолок.

— Сэр! Никак нет, сэр! Больше не повторится, сэр! — выпалил он на автомате.

— Какого сена ты творишь? Ты теперь офицер. И не «сэркай» сержанту, даже если ему когда-то по неудаче всучили твою бестолковую тушу и дали невыполнимый приказ превратить её в подобие гвардейца, хоть бы и жалкое!

Голос смягчился, правда, совсем чуточку. Перед Памперникелем, застывшим по стойке смиренно, показалась до боли знакомая фигура его бывшего инструктора. Сержант Шадоу Дэш поглядел на него тёмно-жёлтыми кошачьими глазами, отрывисто отдал честь перепончатым крылом и сам замер по стойке смиренно.

— Рад видеть, что мои старания не пошли прахом, сэр! Могу я занять минуту вашего времени, сэр?

Памперникель прекрасно знал, как должен отвечать сержанту, согласно уставу: отдать приказ «вольню!» и потребовать объясниться. Но от мысли, что надо сказать так своему бывшему инструктору, который был старше него раза в два, язык буквально прилип к нёбу. Отчётливо видя перед собой неподвижно застывшего гвардейца, опцион отчаянно попытался нацедить слюны, чтобы по крайней мере расшевелить пересохший язык. Но, в конце концов, лишь едва уловимый блеск в глазах сержанта заставил его раскрыть рот и выдавить из себя:

— Что я могу сделать для тебя, сержант? — в голос его просочилось чуть больше напряжения, чем того хотелось бы.

— Имею проблему личного характера, сэр! Надеюсь, что вы окажете мне некоторое содействие,

сэр!

Морщась от оглушительных выкриков, Памперникель изо всех сил сопротивлялся искушению прижать уши к голове и хоть как-то сберечь слух. Эту привычку вдолбил в него тот же самый пони, что стоял перед носом.

— В чём проблема, сержант? — спокойно произнёс Памперникель, надеясь намекнуть на громкость.

Как выяснилось далее, непогасшая искра в глазах сержанта мало сходилась с его надеждами.

— Должен был сопроводить младшую сестру домой после работы, сэр! Не имею на то возможности, сэр! Кое-какая проблема с двумя кадетами, сэр! Надеялся, что вы сможете сделать мне одолжение, сэр! Как офицер и джентлькольт, сэр!

К этому мигу Памперникель уже был готов пообещать ему своего первенца, лишь бы он хоть чуть-чуть сбавил громкость. От громового потока слов слезились глаза, однако один кусок из рублёной сержантской речи всё же просочился сквозь пелену боли.

— У тебя есть сестра? — спросил опцион таким тоном, каким мог бы спросить: «Ты в тайне ото всех крутишь жаркую интрижку с той седогривой главной библиотечаршей?»

— Да, сэр! Несколько, сэр! Эта — младшая, сэр!

К этому мигу Памперникель отчаялся настолько, что заорал сам:

— Будь добр, поменьше «сэров» и побольше объяснений, сержант! — и неловко прянул ушами, услышав собственные слова.

Сержант всхрипнул, и огонёк в его взгляде вспыхнул ещё сильнее. Выражение его лица можно было более-менее точно описать как «совсем капельку недоволен».

— Я надеялся, что вы проявите великодушие и отведёте мою младшую сестру домой. Она только заступила на службу, и нашей матушке весьма не по душе мысль, что ей придётся ходить по улице одной в такое время суток, сэр. Совершенно, я бы сказал, не по душе. О маленькой Мурашке наша добрая матушка... сильно печётся.

Памперникель пытался осмыслить, что у сержанта есть не только сестра, но и мать, но при неожиданном упоминании имени глаза у него непроизвольно полезли на лоб.

— Мурашка? Новая служанка на испытательном сроке? Та самая с большими... — Памперникель заметил взгляд бывшего инструктора, откуда пропал огонёк, и быстро передумал то, что хотел сказать, — глазами. Очень красивые глаза. Минувшей ночью сразу же их углядел, когда она засмотрелась на принцессу Луну. Около личных покоев самой принцессы. Где была моя жена. Буквально за дверью. Фактически в паре шагов. Правда.

Снова глаза сержанта не заблестели, но и взгляд его, по крайней мере, больше не сулил

неминуемого кровопролития. Он вновь всхрипнул:

— Да, у нашей Мурашки очень красивые... «глаза». Иногда даже заводят бедняжку в неприятности. Некоторым при виде этих «глаз» в голову лезут всякие неправильные мысли. Я осведомлён, что вы не из тех, кто делает подобного рода ошибки. А потому знаю, что вы доставите её домой в целости и сохранности.

— И разумеется, моя жена — доверенная принцессы и сама по себе пользующаяся дурной славой — не будет иметь никакого отношения к твоей осведомлённости, сержант, — тихо буркнул Памперникель.

Но не достаточно тихо, чтобы его слова не достигли чутких ушей опытного сержанта-инструктора.

— Затрудняюсь с ответом, сэр.

Чаёк перед сном и ленивое утро угрожающе отодвинулись из ближайшей перспективы. Ни принцесс, ни сержантов, ни постов — только он и Ламиния. Что ж такое-то...

— Буду рад сопроводить твою сестру, сержант, — обречённо вздохнул Памперникель. — Где её искать?

* * *

Мурашка молчаливо сидела в стороне от главного входа во дворец, на почтительном расстоянии от больших деревянных ворот, ведущих во внутренний дворик и оттуда на улицы. Поверх её головы и спины была накинута чёрная шаль, прикрывающая крылья. Миниатюрная кобылка прислонилась к спинке лавочки, стоявшей у стены, и крепко сжимала в копытах нераскрытый чёрный зонт, словно щит, утопив его кончик в пол.

Она изо всех сил старалась не обращать внимания на взгляды, коими её одаривали дневные пони, снующие у входа в замок. Ноктюрна редко увидишь днём на улице, а кобылу-ноктюрна и того реже. Большинство ночных гвардейцев, насколько Мурашка знала, улетали домой из окон верхних этажей. Сильно же она им завидовала.

Мурашка бросила взгляд на огромные распахнутые ворота, сосредоточилась на здании напротив входа, медленно подняла голову... Показался кусочек пронзительно-голубого неба, — и внутри всё свернулось. Борясь с нахлынувшим головокружением, она потупила взгляд. И ещё больше пар глаз косилось в её сторону: она тяжело сопела, силясь одолеть внезапную паническую атаку.

— Уважаемая, вам плохо? — раздался в паре шагов от неё чей-то вежливый голос.

От неожиданности Мурашка шарахнулась в сторону и покосилась на говорившего, — но оторопела, узнав в ноктюрне королевского гвардейца, виденного у покоев принцессы. Зардевшись лёгким румянцем, она отвернулась.

— Всё хорошо. Просто жду кое-кого, — последние слова она выдавила как-то затравленно, будто

оправдываясь, что находится там, где ей быть не положено.

— Должно быть, сержанта Шадоу, — жеребец осёкся, но всё же прибавил, — вашего брата, — с большим недоверием в голосе.

Видеть такую реакцию Мурашке было не впервой. Шадоу, усыновлённый в десятилетнем возрасте, был практически на тридцать лет старше неё. Видеть незнакомых жеребцов ей доводилось нечасто, однако к ним захаживали несколько друзей её другого брата, будучи в отпуске. Так вот, при виде старшего Шадоу, нависающего над громадным обеденным столом, все они сразу же заметно кисали.

— Что-то случилось? — кобыла немного обеспокоенно кивнула.

Она не боялась за брата, нет. Он — такая личность, что бояться обычно приходилось за других. Её скорее терзал страх услышать что-то нехорошее про новую работу.

— Ничего существенного. Вероятно, дела с какими-то кадетами. Он не вдавался в подробности — только попросил сделать ему одолжение и отвести вас домой.

Лицо Мурашки превратилось в каменную маску. Она промолчала, но мысленно произнесла много ласковых слов, после которых её рот ждала бы неминуемая встреча с куском мыла, услышь подобное матушка или тётушки. В основном там было про то, какими дураками бывают молодые жеребцы.

Стоявший перед ней жеребец слегка постарше — а значит, к счастью, не такой дурак — нахмурился при виде её лица.

— Всё в порядке? — аккуратно поинтересовался он, тщательно подбирая слова. Почти как сапёр на минном поле, где любой шаг в сторону может означать взрывную западню.

Мурашка натянула фальшиво поблёскивающую улыбку.

— Всё в порядке. Просто восхитительно. Лучше и быть не может. Я люблю новую работу. А работается просто прекрасно. Завтра я вернусь и увижу принцессу Луну, — на последних словах улыбка стала искренней, а лицо буквально озарилось восхищением и радостью.

Целую секунду она просидела не шелохнувшись, вспоминая первое близкое знакомство с Луной, пускай и чрезвычайно короткое. Но тактичное покашливание гвардейца вырвало Мурашку из дум.

— Ой, простите. И знаете, я вообще-то доберусь до дома сама. Моя семья немного... — консервативная? старомодная? ненавидит кобыл?

Нет, последнее не совсем правда. Они не презирали кобыл — просто обладали твёрдым взглядом на место слабого пола в этом мире, где не было места работе вне стен дома. И уж точно туда не входило вступление в ряды гвардии. Как раз по этой причине ей пришлось улизнуть из дому в предполагаемый день набора. Мурашка вздохнула, вспомнив тот кавардак. И ведь всё шло как по маслу!.. пока она с удивлением не обнаружила, что стоит не в той очереди и заполняет заявление не

на ту работу. В этом не было бы какой-то особой проблемы, да вот только она опомнилась слишком поздно, витая в облаках от радости.

Мурашка была так подавлена, что хотелось свернуться в каком-нибудь тёмном уголке и просто хорошенько порыдать. Но вспомнив одно важное обстоятельство, она оживилась: ей, с другой-то стороны, предстояло регулярно видеться с принцессой Луной. И она готова была поспорить, что о подобном те пустоголовые неоперившиеся олухи, подававшие на курсантов-гвардейцев, не смогут даже заикнуться.

О, принцесса Луна! Мурашка мысленно вздохнула от кратких памятных мгновений, проведённых с *легендарной* принцессой. Столь царственная, столь прекрасная, столь властная, столь грациозная... и столь быстрая, что трудно представить.

Памперникель уже начал замечать прохожих, что бросали на них любопытные взгляды. Молодая кобылка кидалась из одной эмоциональной крайности в другую, да так, что не успеешь и глазом моргнуть. Свои мысли она не озвучивала вслух — чем бы там молодые кобылки ни забивали себе мозги в таком возрасте, — однако с этими душевными вздохами и невероятно выразительным глазами вполне могло оказаться, что она воображала себя где-то посреде оперной сцены.

Судорожно сглотнув, Памперникель снова кашлянул и потерял копытом кончик зонта.

— Что ж, нам лучше бы поторопиться. Зачем заставлять вашу пожилую матушку лишний раз переживать?

Мурашка очнулась от внезапно нахлынувших фантазий и смерила жеребца максимально сердитым взглядом.

— Я доберусь до дома сама, — твёрдо повторила она.

Словесный укол отскочил, не причинив вреда. Её взгляд, горящий огоньком раздражения, был как светлячок по сравнению с пылающими факелами жены или ослепительно-яркими лунными дисками недовольной принцессы.

— Ничего страшного, я не буду вас провожать. Просто так получилось, что мне тоже надо в ту сторону. Идём? Или вы предпочтёте и дальше развлекать утренний караул? — за последнюю фразу Памперникель почувствовал лёгкую гордость. Вот и пригодились хоть как-то уроки дипломатической речи.

Мурашка разъярённо всхрипнула, слезла с лавочки и перехватила ручку зонта зубами. С хлопком он раскрылся, будто большая и необычайно вытянутая шляпка гриба. Край зонта нависал в паре дюймов над уровнем глаз, из-за чего почти вся голова скрывалась под его куполом. Дорога впереди оставалась видна шагов на тридцать, но не более.

— Идёмте, — огрызнулась кобыла и, не дожидаясь Памперникеля, резко сорвалась с места, возмущённо помахивая коротким хвостом.

— А мы не полетим? — жеребец даже слегка удивился. Хоть пегасы и предпочитали ходить, когда отправлялись за покупками, они всё же не оставались на земле, если надо было просто добраться из одного места в другое, не разглядывая достопримечательности.

— Неф, — прошамкала Мурашка с зонтом во рту.

Несмотря на невнятность, у неё получился на удивление ровный тон, не подразумевавший возражений. А как ветеран супружеской жизни длиною в два месяца Памперникель знал, когда стоит попридержать язык.

Пожав плечами, он нацепил огромные чернильно-чёрные солнцезащитные очки и выбежал следом за ней на свет яркого утреннего солнца. В мыслях же он себе отметил потолковать об очках с её братом: к чему таскать целый навес над головой? Неудивительно, что девочка не хочет летать с такой громадой.

Занятый рот давал Мурашке повод не болтать. Она, может, и пожалела бы об этом, если б знала, что удержит тему разговора на принцессе Луне. Этот здоровяк наверняка знал много интересного. Впрочем, она на личном опыте убедилась, что от гвардейцев можно ничего не ждать. Она родилась в семье служивых: отец, два дяди, три родных и шесть двоюродных братьев — все служили в гвардии. И про царственных особ все говорили только самое общее, шарахаясь от конкретики, как от чумы. Если собственные братья не делятся впечатлениями от редких встреч с принцессой Луной, то чего уж ожидать от полного незнакомца. Да что он, что родичи — всё едино. Перевёл бы стрелки на другую тему, про работу или про здоровье. Как жизнь? Полегчало? Она сердито фыркнула. Нет, не полегчало! Они что думают, это возрастное? Будто однажды утром она проснётся и безграничный ужас перед бездной неба испарится сам собой?

В уголках её глаз заблестела влага, и она с тихим шмыгом помотала головой, прогоняя слёзы.

Чтобы отвлечься от осточертевшей немощности и досады, она принялась размышлять о двух глупых кадетах, из-за которых к ней и приставили незнакомца.

Два часа назад они с госпожой Грейс взялись за уборку картинной галереи, заходившей на территорию Лунного крыла. Место показалось знакомым, хотя Мурашка никогда здесь не бывала, и через пару минут она поняла, в чём дело. Рассказывая о кадетской юности, её родственники в благоговейном ужасе шептали о «Той Самой Галерее». В глаза мгновенно бросилось главное панно, занимавшее непочётное место в середине зала, и сомнения пропали окончательно.

В целом не шедевр, панно как панно. Да? Картина была шесть-семь футов в высоту и около десяти-двенадцати в ширину. На первый взгляд, в ней воплотился самый невинный сюжет: Селестия лежит на залитом солнцем лугу в окружении дюжины резвящихся жеребят. Были тут земные пони, и пегасы, и единороги, но не ноктюры.

Тут ничего удивительного. Пересчитать значимые произведения живописи с ноктюрами можно было по копытам одной ноги, да и то место останется.

Не все кобылки и жеребчики резвились. Некоторые прижимались к бокам Селестии, а она

прикрывала их могучими крыльями — образ материнской фигуры, немного угловатая кладка, но ничего из ряда вон. Зато уж где художник оставил свой почерк, так это в выражении её лица. Изгиб бровей, блики света в глазах, неуловимая экспрессия... Да, гвардейцы меж собой неспроста прозвали панно «Молестия среди цветов». Совсем не по-матерински она смотрела на кобылок.

Художник никак не мог сделать это намеренно. В конце концов, он дожид до седых волос у себя дома, а не в лечебнице или темнице.

Первый взгляд на панно, легендарное в гвардейских кругах, одновременно ужаснул и восхитил Мурашку настолько, что она не заметила двух кадетов-караульных. Ноктюрн и пегас, в свою очередь, ещё как заметили её присутствие.

На лице ноктюрна читалось до боли знакомое выражение: «Какого сена ты не на кухне, деточка? Тебе разве не надо быть дома? Откуда ты?»

Пегас же одарил её совсем другим, но тоже неприятно знакомым взглядом. Его глаза бегали по перепончатым крыльям, будто те расправлены всем на обозрение. И ей не особо-то хотелось знать, какая мыслишка сквозит в его остекленелом лице.

Они не вымолвили ни слова. Однако взгляды их Мурашка чувствовала всё время, пока она и Грейс натирала пол до зеркального блеска. Бурно краснея, она развернулась лицом к кадетам и шла до самого конца коридора задом наперёд.

Служанки скрылись за углом, но не минуло и секунды, как раздалась негромкая реплика — Мурашка разобрала что-то про «крылья» и «я б облетал». А потом послышалось уханье и хрипы отчаянной потасовки.

Грейс покачала головой и положила копыто ей на плечо.

— Дело не в тебе, девочка, а в них. Даже на секунду думать не смей, будто хоть капельку виновата в том, что они там устроили.

То ли от смущения, то ли от злости Мурашка залилась пунцовой краской; Грейс попала не в бровь, а в глаз. Чья же ещё это вина, что два юнца пытаются свернуть друг другу шеи?

Гнев помог выжечь дотла самоосуждение, и Мурашка выкинула из головы самую мысль о том, что она каким-то боком причастна к каше, заваренной двумя остолопами.

* * *

Дом Мурашки находился неподалёку от дворца. Как и всё остальное в Кантерлоте, в общем-то. До своего жилища она в компании незваного сопровождающего добралась всего за пятнадцать минут. А их, судя по всему, только и ждали: не успели они дойти до порога, как дверь со стуком распахнулась — в проёме стояла матушка и тётки, шуршащиеся у неё за хвостом. Шесть пар горящих жёлтых глаз уставились на Мурашку, поглядели на незнакомого мускулистого жеребца и снова воззрились на кобылу.

— Ну и кто это? — спросила матушка с подозрительным энтузиазмом в голосе. — Я вот думала, домой тебя должен был отвести брат.

— Докладывает королевский гвардеец Памперникель, опцион Ночной роты, личный телохранитель принцессы. Сержанта Шедоу, к сожалению, задержали некоторые неотложные дела, и он по знакомству обратился ко мне с просьбой сопроводить Мурашку домой.

Глаза матушки буквально загорелись. По спине Мурашки пробежал холодок.

— Ах, в самом деле? А он, случаем, не обещал... не обещал, может, чуточку перекусить в отплату? Ты большой жеребчик, да. А большой жеребчик не откажется от сытного домашнего ужина, я-то знаю.

Мурашке сильно, очень сильно не понравилось, как матушка изменилась в голосе и как её взгляд теперь сновал меж дочкой и красавчиком-жеребцом. Имя Памперникеля ей знакомо, это очевидно, так что не могло и быть речи о том, чтобы гвардейца затащили на мирный семейный ужин. Матушка — та ещё сводница, и Мурашка это отлично знала, чтобы поверить, будто это просто вежливость. Что-то у неё на уме.

— Поверьте, я бы с радостью, — лихорадочно процедил Памперникель очевидную ложь. Похоже, уроки дипломатии ещё не закрепились окончательно у него в голове. — Но мне надо срочно возвращаться в замок. Меня жена хватится.

Мурашка покосилась на глаза матушки: промазав первым выпадом, она готовилась зайти с другого боку. Наверняка всучит опциону корзинку с едой, чтобы отнёс домой жене — протоптать дорожку к влиятельным персонам, с которыми Памперникель видится каждую ночь. У Мурашки было две сестры, тоже незамужних, но ей почему-то казалось, что матушка положила глаз именно на неё. И поэтому она самоотверженно отвлекла следующий выпад на себя.

— Нельзя его задерживать, мама. Он и так оторвался от своих дел, чтобы помочь Шадоу Дэшу. Вдруг, пока мы тут разговариваем, он понадобился принцессе Луне?

При упоминании принцессы Луны глаза матушки зажглись, а тётки оживлённо защебетали. Кое-кто даже вспомнил, что пора посадить Мурашку под замок, пока она «не опозорила всю семью перед принцессой».

Для её тётушек существовала лишь одна принцесса.

Тем не менее женская половина семьи была сильно впечатлена: Мурашка едва начала работать, а уже повстречала пони, который ежедневно видится с принцессой. Теперь её начинание поддерживали все. Это уже хорошо.

А что не совсем хорошо — они сошлись на том, что неплохо бы по-быстренькому научить Мурашку «правильным» манерам, дабы она не посрамила семью в чуть более официальной обстановке, нежели под принцессиними копытами в коридоре.

Гвардеец, проводив её до порога, поспешно откланялся и трусливо улизнул сверкая подковами. Мурашка осталась одна под пронизывающими взорами матери, тёток и пары двоюродных сестёр — те высунули нос на общий шум, и теперь все дружно с укоризной глядели на Мурашку.

Ах, дом, милый дом! Что бы делала без тебя юная кобыла-ноктюрн? Просто страсть как хочется узнать.

[<<< оглавление >>>](#)